

А. Л. МОНГАИТ

ДРЕВНЕРУССКИЕ ЖИЛИЩА XI—XIII ВЕКОВ

(По раскопкам в Старой Рязани)

Попытки реконструировать древнерусское жилище по письменным источникам могут быть удачны лишь для XV—XVII вв. Что касается так называемого домонгольского периода, то здесь количество письменных известий об устройстве древнерусских домов очень невелико и относятся они главным образом к княжеским постройкам. Реалистических изображений для этого периода также нет. Наиболее надежными могли быть археологические раскопки. Но каменные жилища очень редки, в большинстве случаев древнерусские жилища деревянные, и вследствие плохой сохранности дерева в раскопках открываются иногда лишь следы жилья в виде пятен красной глины от развалившихся глинобитных печей или истлевших деревянных конструкций, в лучшем случае удается открыть нижние венцы деревянных построек или незначительную часть стен. Несмотря на эти трудности, все же археологические материалы могут служить источником для изучения целых периодов в истории жилища. К сожалению, лишь сравнительно недавно древнерусское жилище стало объектом археологических исследований, многие отчеты до сих пор не опубликованы, и данные раскопок в целом не приведены в систему. Однако накопившиеся уже сведения позволяют сделать некоторые выводы и обобщения. В настоящей статье я попытаюсь, основываясь на материалах старорязанских раскопок, привлечь для истории древнерусского жилища данные археологии.

Старорязанское городище подвергается археологическим раскопкам в течение более чем ста лет. Археологи XIX и начала XX в. говорили в своих отчетах о «следах жилья» на городище, но никто из них не сумел уловить основной признак, обнаруживающий старорязанское жилище,—глинобитную печь. Это сделал только В. А. Городцов во время раскопок 1926 г. Загадочные пятна красной глины, удивлявшие археологов, оказались следами развала глинобитной печи. Используя материалы раскопок и этнографические материалы, В. А. Городцов пытался реконструировать как печь, так и жилище. Он пришел к заключению, что все жилища были деревянными, просторными, с досчатыми полами, двускатными тесовыми и соломенными крышами, с глинобитной печью посреди избы и с одной или двумя подпольными ямами¹.

Однако эти заключения не были достаточно обоснованы и сама методика раскопок не обеспечивала объективности научных выводов. Дело в том, что раскопки велись траншеями, шедшими узкой полосой шириной в 2 м, и только в тех местах, где натыкались на предполагаемое жилище (исходным пунктом для его определения явились остатки глинобитной печи), вырезался квадрат 8 × 8 м и этими произвольно

¹ В. Городцов, Раскопки городища Старой Рязани, «Хочу все знать», М., 1927, № 1, стр. 5—7.— Подробное изложение результатов раскопок 1926 г. дано в статье А. А. Мансурова, Древнерусские жилища, Истор. записки, т. 12, 1941, стр. 61—95.

взятыми размерами определялась площадь жилища². Все находки в пределах 8 × 8 м отнесены к жилищу, все найденное вне этой ямы считалось не принадлежащим к жилищу. Все квадраты были ориентированы в направлении траншей, и лишь в 2 случаях (из 19) раскопы были сделаны в соответствии с выясненной ориентацией жилища. Если к этому прибавить, что в дневнике нет никаких данных по нивелировке и стратиграфии, что чертежи крайне схематичны, а в записи исследователем внесено столько индивидуального, что приходится большей частью полагаться на высокий научный авторитет В. А. Городцова, не имея возможности найти подтверждение выводов в данных раскопок, то станет ясной необходимость чрезвычайно осторожно отнестись к реконструкциям, сделанным В. А. Городцовым и опубликованным А. А. Мансуровым в вышеназванной статье.

В 1946 г. мною были продолжены раскопки Старой Рязани, которые коснулись главным образом северного участка городища.

В раскопках 1946 г. жилище № 1 обнаружилось на глубине 45 см от современной поверхности в виде больших пятен обожженной глины (остатков глинобитной печи), остатков сильно сгнившего бревна и подпольной ямы овальной формы. Яма глубиной 65 см заполнена черной землей с вкраплениями пятен желтой глины; в ней найдено 272 фрагмента керамики и 116 костей животных. Заполнение ямы в значительной части произошло в период существования жилища. Если признать открытое сгнившее бревно принадлежащим к срубу жилища, то печь несомненно находилась в западной его части. По находкам на территории, занятой жилищем, шиферных пряслиц, бронзовой лירוидной пряжки и по керамике курганного типа из заполнения подпольной ямы жилище можно датировать XI—XIII вв. В юго-западной части раскопа находилось жилище № 2. Пятно печи составляло 1—1,2 м. Встреченные бревна несмотря на плохую сохранность позволяют определить характер рубки. На одном из них видна зарубка «в обло» («в чашу») и паз в верхней части, сделанный для более плотного примыкания бревен. Подпольная яма овальной в плане формы имела в длину 4,75 м, ширину — 1,40—1,30 м. Глубина ямы в восточной части (ближе к печи) достигает 2,20 м (3,08 м от современной поверхности земли), в западной части постепенно глубина уменьшается до 0,35 м. Яма заполнена серой рыхлой землей с многочисленными фрагментами керамики и костями животных. В результате развала печи в яму свалились многочисленные печины — среди них обмозка шестка и несколько конусов из сильно обожженной глины диаметром 3—5 см, длиной до 8—10 см. Под печи лежал на досчатом настиле. В яме найдено 6365 фрагментов керамики и 511 костей животных. Почти на дне ямы, среди золы найден большой горшок с рыбьей чешуей. Керамика различных профилей — от широкогорлых сосудов с прямым горлом до небольших горшков курганного типа. По шещевым находкам жилище можно датировать XII в. На запад от жилища № 2 расположена овальная в плане яма, вероятно, относящаяся к хозяйственным постройкам жилища. На юг от этой ямы найден небольшой (диам. 40 см.) очаг из плоских известковых камней со следами огня, вероятно, летний очаг, принадлежавший одному из близлежащих жилищ. В северо-восточной части раскопа находилось жилище № 3. Оно обнаружилось в виде скопления печин и трех ям, связанных с печью. Одна из них большая, овальной формы, очевидно подпольная. Две другие, круглые в плане, вероятно, служили для хранения зерна. Одна из зерновых ям диаметром 1,10 м в разрезе, яйцевидной формы, глубиной 1,25 м, дно и стены обмазаны слоем глины толщиной в 3 см и обожже-

² В. А. Городцов, Дневник раскопок в Старой Рязани, рукопись научн. архива Рязанского музея, № 152.

ны. На дне найдено обуглившееся просо. Вторая яма диаметром 1,20 м, глубиной 0,75 м, имеет форму котла. По дну ямы шла тонкая прослойка угля — остаток истлевших досок.

В северо-западной части раскопа обнаружена яма, в наполнении которой имеются большие куски печин, зола и уголь, 1300 фрагментов керамики и 530 костей животных. Повидимому, в яму попали части глинобитной печи, остатки которой вне ямы проследить не удалось. Судя по большому количеству криц (свыше 100 штук) и железного шлака, найденных на ближайших к вышеописанной яме квадратах, можно предположить, что яма была подпольной в жилище ремесленника, расположенном вблизи мастерской. Из готовых железных изделий в яме встречены лишь небольшие ножи (11 штук), которые, впрочем, могли составлять инвентарь жилого дома, а не ремесленную продукцию его владельца.

В юго-восточной части раскопа большое пятно обожженной глины указывает на остатки печи какого-то более позднего наземного жилища, прикрывавшего жилище № 4 (описанное ниже). Разрез остатков печи показал, что верхний пласт обожженной глины равен 20 см, дальше шла 40-сантиметровая прослойка золы с углем, в которой находились кости животных и черепки глиняной посуды. Эту прослойку подстилал тонкий (5 см) слой глины (обмазка пода печи), под ним были положены доски. Печь была основана на плотной земле с вкраплениями глины. Вероятно, земля была специально сбита и уплотнена для основания на ней печи. Деревянные части жилища (№ 6), к которому принадлежит эта печь, не были найдены.

Описанные выше жилища были наземными бревенчатыми избами с 1—2 подпольными ямами и с глинобитной печью, основанной на земле или на специальном помосте, опирающемся на столбы. Зерновые ямы могли быть расположены как внутри, так и вне жилища.

Второй тип жилища представлял полуземлянку. В наших раскопках 1946 г. она встретилась только один раз (в южной части раскопа — жилище № 4)³. План жилища ясно обозначался в слое погребенного чернозема на глубине 0,92 м от современной поверхности. Жилище представляет полуземлянку прямоугольной формы размером 3,9 × 3 м, с двумя хозяйственными ямами в северной части и с вырубленными ступенями входа с восточной стороны. В северо-западной части полуземлянки в углу находилась печь. При выкапывании ямы под жилище для печи была оставлена площадка на высоте 73 см от пола землянки размером 1,0 × 1,0 м, на которой и была сбита глинобитная печь. Под печи прослеживается в виде остатков досчатого настила, многократно смазанного глиной и сильно обожженного; свод печи свалился в яму и прослеживается в виде многочисленных печин. Вероятно, вдоль южной и западной стен полуземлянки шли нары, покрытые досками. Пол жилища также был устлан досками (горбылями, полукруглой частью обернутыми вниз, плоской вверх). Эти доски были смазаны несколько раз глиной, общий слой которой составил 7 см, и сверху шел еще один настил досок. Было ли такое сложное устройство пола первоначальным или же оно является результатом последовательных ремонтов, решить не удалось. На восточной стенке полуземлянки находятся две доски, впущенные в паз вертикально стоящего бревна (обнаружено в юго-восточном углу раскопа). Они составляли облицовку стен жилища. Вход в землянку был с восточной стороны. Ступени входа шли вдоль восточной стены землянки и поворачивали к двери, закругляясь в виде винтовой лестницы. Высота ступеней 20 см, ширина 80 см. Они выреза-

³ В 1948 г. мною были продолжены раскопки на северном участке Старорязанского городища, охватившие площадь в 1500 кв. метров. Здесь на более массовом материале были подтверждены основные наблюдения раскопок 1946 г. Среди жилищ, открытых в 1948 г., полуземлянка встречена трижды.

ны в земле. В северной части полуземлянки находились две хозяйственные ямы, выкопанные не одновременно с землянкой и отделявшиеся от нее деревянным простенком, следы которого в виде истлевших досок, прутьев и столбиков прослежены в северной части жилища. Ямы сообщаются между собой.

Весьма вероятно, что многочисленные куски глиняной обмазки, попадающиеся вместе с угольками иногда в значительном отдалении от печки и разбросанные по всему жилищу, не являются печинами, а составляют обмазку деревянных (досчатых или из хвороста) стен жилища.

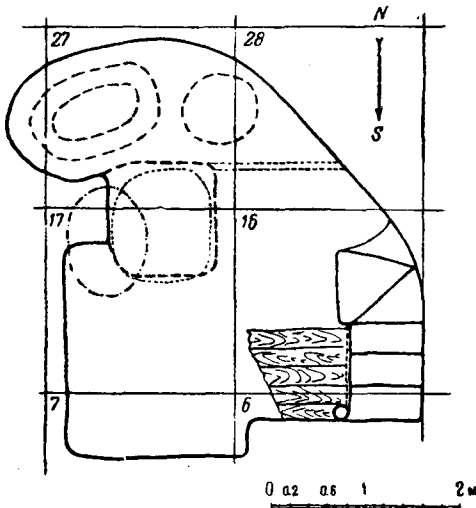

Рис. 1. План полуземлянки

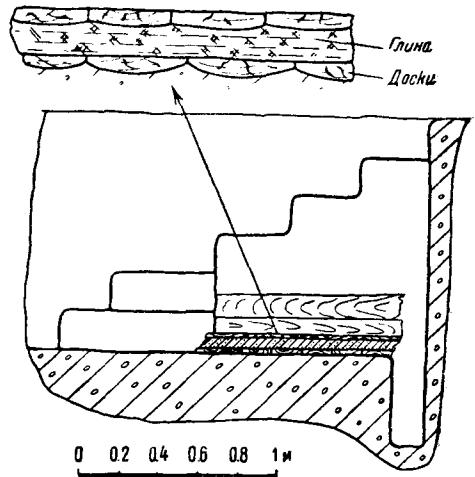

Рис. 2. Разрез полов и ступени входа в полуземлянку

Хронологическое распределение открытых в Старой Рязани жилищ позволяет установить пока лишь следующие факты. Все открытые на северном участке городища жилища датируются XI—XIII вв. Можно ожидать в дальнейшем находок домов, относящихся к более древнему периоду, так как в культурном слое найдена славянская лепная керамика VIII—IX вв., но пока эта керамика не может быть связана ни с каким определенным жилищем. В. А. Городцов ошибочно считал все открытые дома принадлежащими к последнему периоду существования Рязани и погибшими при нашествии Батюга. На самом же деле часть из них более древняя и оставила следы в виде той же глинобитной печи, появившейся в очень древние времена; часть принадлежит к позднему времени и погибла от пожаров в 1208 и в 1237 гг. Очевидно, после этого северный участок городища запустел. Мы встречаем дома XIV и позднейших веков лишь на южном городище. На южном городище удалось проследить жилища с кирпичными печами. Нельзя согласиться с предположением Мансурова, что наличие глинобитных и кирпичных печей является признаком не хронологическим, а социальным, так как кирпичные печи якобы принадлежали более богатым жилищам. Анализ дневника раскопок В. А. Городцова и мои наблюдения во время раскопок 1945—1946 гг. показывают, что жилища в южной части Старорязанского городища не богаче, чем остальные. Южное городище заселено позже, и кирпичная печь появилась в более позднее время, хотя и существовала вместе с глинобитной.

Рассмотрим отдельные детали устройства найденных домов и попытаемся реконструировать их.

Печь. Как указано выше, глинобитные печи сохранились в виде пластов обожженной глины с прослойкой из золы и угля. При разрушении печи свалились частично в подпольные ямы и широко расплылись по площади жилища, так что следы разрушенной печи занимают площадь от 1×2 до 2×4 м. Отдельные печины носят следы брусков и бревен, к которым примазывалась глина. Глина была с примесью соломы. Печины встречены плоские и закругленные с одного края (в

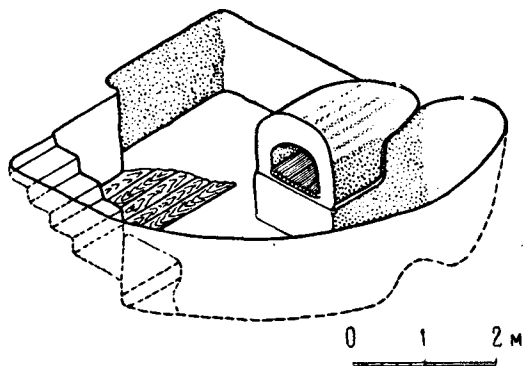

Рис. 3. Реконструкция печи полуземлянки

четверть окружности) — вероятно закруглялся передний край печи. По реконструкции Городцова печь четырехугольная с плоскими боками и верхом, без лежанки и без трубы. В большинстве случаев печи были приподняты над полом и опирались на столбы, врытые в землю, в отдельных случаях печь стояла прямо на грунте. В таком случае в наземном жилище хозяйка иногда спускалась в предпечную яму во время стряпни. Глинобитные печи, подобные вышеописанной, бывали в рязанской деревне до сравнительно недавнего времени⁴. В одном из лучших этнографических сочинений середины прошлого века «Год русского земледельца» В. Селиванова мы находим описание способа сооружения подобной печи. «Благоразумные домохозяева делают опечек на особых столбах, врытых в землю, независимо от стен избы и переводин пола, за тем, чтобы давление всей груды печи не вредило избе»⁵. Следы столбов в старорязанских жилищах прослежены неоднократно. Часто мы видим их два, а не четыре, как следовало бы ожидать. Это объясняется тем, что два передних закапывались в подпольную яму, а два задних в землю непосредственно под полом. «В угле, назначенном для печи, устраивался деревянный опечек на деревянных, врытых в землю столбах, возвышавшихся над поверхностью пола на аршин или четверти на три. На таком деревянном основании сбивали глиняную печь (материалы раскопок дают еще другой способ сооружения печи, непосредственно на грунте, — А. М.). Сперва делали на обручах из досок свод, долженствующий составлять внутренность печи, потом досками же обгораживали стороны обращенного внутрь избы места, где должна быть воздвигнута печь. В это обгороженное кубическое пространство в углу избы накладывали глину, несколько не смазывая ее предварительно водою, а прямо в том виде, как она вынута

⁴ Вообще исторические данные свидетельствуют о том, что древнерусские городские жилища в массе своей не отличались от деревенских. Однако археологическая проверка этого почти невозможна из-за неизученности селищ, синхронных городам. Я считаю правомочным привлечение этнографических параллелей для изучения городского жилища древней Руси, так как очевидно, что древние типы жилища, исчезнувшие в городах под влиянием городской культуры, сохранились в современной деревне. Кроме того, считаю необходимым пояснить употребляемое мною выражение — «до наших дней», «современная», в тех случаях, когда они касаются этнографических материалов. Я имею в виду здесь жилища конца XIX — начала XX в., к каковому времени относятся цитируемые мною этнографические сочинения. Современная нам в полном смысле этого слова деревня, быстро преобразуемая социалистическим хозяйством, утрачивает и в значительной мере уже утратила эти древние жилища.

⁵ В. В. Селиванов, Год русского земледельца (1856—1857 гг.) Зарайск. уезда, Ряз. губ. Календарь Ряз. губ. на 1887 г., стр. 69.

из ямы, и утаптывали ногами и убивали чакмарами до тех пор, пока вся печь складывалась в один плотный ком. Тогда доски внутри и снаружи разбирались, а в готовой печи, чтоб ее просушить, немедленно разводили огонь. Хорошо сбитая печь никогда не трескается и по истечении многих лет бывает так крепка, что иногда нужно употребить много усилий, чтобы ее разрушить»⁶. Подобный способ сооружения печи возможно с максимальной точностью доказать для нескольких открытых в Старой Рязани жилищ. Однако он не был единственным. В раскопках попадаются керамические конусы, которые, вероятно, служили для сооружения печи какого-то иного устройства⁷. Кроме того, в ряде случаев внутри печин сохранились прутья и колышки. Нужно думать, что в этих случаях печь сооружалась путем обмазки глиной деревянного каркаса, который оставался внутри обмазки. Под печи обычно устраивался на досках и многократно подмазывался. Следы этих подмазок и постепенного утолщения пода ясно видны в разрезах печей. В одном из раскопанных в 1946 г. жилищ в своде печи прослеживается круглое отверстие с тщательно отделанным краем, слегка отогнутым вверх, как венчик большого сосуда. В раскопках Городцова при разборке печи жилища № 14 также было найдено большое глиняное кольцо с внутренним диаметром 10 см, являющееся частью устройства печи (очевидно, также свода). Так как во всех случаях найденные в Старой Рязани печи были разрушены, то не удастся изучить в деталях различные их типы. Хорошо прослежены лишь вышеописанные, сбитые из глины прямоугольные с плоским верхом печи⁸. Глинобитная печь в нашей стране существует с трипольского времени⁹ и до наших дней¹⁰. В течение веков формы и конструкции печи естественно менялись. Но и для жилищ одной эпохи, хронологически и территориально сравнительно близких, мы можем наблюдать многообразие форм. Такое явление наблюдается в раскопанных жилищах Киевской земли, хронологически близких к жилищам старорязанским. В Киеве встречены печи, вырезанные в массивном пласте нанесенной и плотно утрамбованной глины, со сводом, вылепленным из глины с примесью соломы (на горе Киселевке); печи с каркасом из хвороста, расположенные непосредственно на грунте; печи с каркасом из прямоугольных колышков со сводом прямым, суженным вверху наклоном стенок и с вероятно существовавшим отверстием вверху (на территории Михайловского монастыря)¹¹. Интересна широко распространенная в киевских жилищах XI—XIII вв. конструкция пода печи из слоя битой глиняной посуды, покрытой глиняной обмазкой. Хорошо сохранившаяся печь в зем-

⁶ В. Селиванов, Указ. раб., стр. 19.

⁷ Керамические конусы несколько иной формы служили для сооружения свода печи в жилищах роменских городищ (Гочево, раскопки Б. А. Рыбакова). Старорязанские конусы, удлиненные и приближающиеся по форме к цилиндру, вряд ли могли служить для этой цели. Сопоставление с роменскими городищами в данном случае невозможно еще и потому, что конусы найдены в жилище иной эпохи — XII в. Однако наличие керамических конусов, несомненно связанных с разрушенной печью, свидетельствует о каких-то конструктивных деталях, которые нам выяснить пока не удалось.

⁸ Печи, подбные старорязанским, открыты А. П. Смирновым при раскопках болгарского городища Сувар (А. П. Смирнов, Сувар, Труды Гос. Истор. музея, вып. XVI, 1941).

⁹ Т. Пассек, Трипольские модели жилища, Вестник древней истории, № 4 (5), 1938; Трипольська культура, т. I, Київ, 1940.

¹⁰ О глинобитных печах, бытовавших в недавнее время и бытующих еще сейчас, имеются многочисленные сообщения в этнографической литературе, см. например, «Этнограф. сборник», вып. 1, 1853; Верхне-волжская этнологическая экспедиция, Крестьянские постройки Ярославско-Тверского края, Л., 1926; В. Д. Мачинский, Крестьянское строительство в России, М., 1924, и др.

¹¹ Д. Бліфельд, 3 археологічних досліджень в Києві в останні роки, Наукові записки Інституту Історії і археології України, кн. I, стр. 100—117; М. К. Каргер, Раскопки древнего Киева, «Наука и жизнь», 1940, № 2.

лянке киевского художника XIII в. имела свод полусферической формы, сделанный из глины на деревянном каркасе. Размеры печи (по поду) $1,50 \times 1,17$ м¹². Разнообразной формы печи открыты в Киеве и в Белгороде раскопками Хвойки, среди них печи в виде усеченного конуса, прямоугольные и другие¹³. Впрочем, сделанные Хвойкой реконструкции открытых печей¹⁴ заставляют усомниться в том, что они целиком основаны на материале раскопок. Разнообразие типов печи, как в Киевской земле, так и в Рязани, и длительное существование глинобитной печи самой примитивной формы на территории нашей страны вообще не позволяет установить какой-то эволюционный ряд (на Украине и в Молдавии глинобитные печи — самого примитивного типа — сохраняются и сейчас в виде летних печей, вынесенных из жилища) для глинобитной печи или утверждать, что определенному периоду времени в пределах одного-двух столетий свойственна определенная форма и конструкция печи. Несомненно лишь то, что в домонгольское время печи были глинобитными, что кирпичная печь появилась позже, но никогда не вытесняла глинобитную, а существовала одновременно с ней. Печная труба появилась и распространилась сравнительно недавно. В летописи «дымницы» упоминаются впервые в 1560 г. в Новгороде¹⁵. На планах и чертежах XVII в. большинство жилых построек изображено без труб. В сельских местностях замена курной избы трубной печью происходила главным образом уже во второй половине XIX в.¹⁶ Однако если признать первым шагом на пути к сооружению трубы наличие отверстия для тяги в своде печи, то это явление мы наблюдаем в самые различные эпохи и в трипольских печах, и в печах на «Монастырище», и в Киеве, и в Старой Рязани. В этом отношении интересно наблюдение, свидетельствующее о том, что печная труба была изобретена следующим образом: сначала проделали дыру для тяги и постепенно удлиняли ее вверх в виде трубы, пока не вывели наружу¹⁷. Кроме глинобитных печей, существовал и другой вид печи — каменки. Они известны из раскопок в Старой Ладого¹⁸, на Райковецком городище¹⁹, в Пронске²⁰. В раскопках 1948 г. в Новгороде в жилище XII—XIII вв., расположенном у городского вала, найдена печь-каменка, подобная открытым в Старой Ладого. Печь-каменка, подобно глинобитной, известна в разные исторические эпохи. В Старой Ладого она появляется в IX—X вв., в Пронске относится к XI—XII вв., на Райковецком городище была в XIII в., на севере она удерживалась до недавнего времени в жилищах²¹ и широко распространена в банях. Однако можно предполо-

¹² М. К. Каргер, Землянка-мастерская киевского художника XIII в., Краткие сообщения ИИМК, вып. XI, 1945.

¹³ В. В. Хвойка, Древние обитатели среднего Приднепровья, Киев, 1913.

¹⁴ Изданы Нидерле в *Slovanske Starozynosti, Oddil kulturni sv. 2, v Praze, 1913, гл. V.*

¹⁵ ПСРЛ, III, стр. 160.

¹⁶ А. Л. Харузин, Славянское жилище, стр. 177.

¹⁷ T. G. Oels Lund, *Das tägliche Leben in Skandinavien während des sechszehnten Jahrhunderts, Kopenhagen, 1882.*

¹⁸ «Печь-каменка размером $1,2 \times 1,6—1,7$ м: ее клали на субструкцию песка, со сводом из крупных валунов с заполнением промежутков между ними мелкими камнями; под выстилался плитами или промазывался глиной». — В. И. Равдоникас, Старая Ладога, Краткие сообщения ИИМК, вып. XI, 1945, стр. 35; см. также W. J. Raudonikas, *Die Normanen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet, Stockholm, 1930*; здесь описана печь-каменка из раскопок Репникова.

¹⁹ Ф. М. Мосчанівський, Матеріали дослідної роботи Райковецької археологічної експедиції в 1934 р., Наукові записки Інституту Іст. Мат. Культ. АН УРСР, Київ, 1937, стр. 42—43.

²⁰ Н. П. Милонов, Славянские жилища по данным археологических раскопок Пронского городища, Рязань, 1931.

²¹ В. Д. Мачинским в книге «Крестьянское строительство в России» (М., 1924) приведены рисунки подобных печей, заимствованные из *Karelska Byggnader architect-Blomstedt och Sucksdorff, Helsingfors, 1900.*

жить, несмотря на столь длительный период существования, что печь-каменка более древнего происхождения, чем глинобитная. Она, вероятно, развилась из открытого очага путем сооружения над ним глинобитного или каменного свода. Многочисленные находки в раннеславянских жилищах груд обожженных камней, характеризующихся в отчетах общим термином «очаг», могут скрывать за собой как действительно очаги, так и результаты разрушения печи-каменки (высказываю настоящее предположение на основании знакомства с рядом археологических отчетов). Печь-каменка в Старой Рязани не встречена ни разу хотя в близлежащем Пронске, входившем в состав Рязанского княжества, такие печи найдены в раскопках (вообще некоторое отличие старорязанского и пронского жилища, если оно не кажущееся, вследствие неточности отчетов о раскопках в Пронске требует специального объяснения). Очаг из плоских известковых камней встречается в Старой Рязани вне жилища и служил, вероятно, летней печью. Ни ямы с тягой, ни открытые очаги в жилищах не встречены. Впрочем, во многих жилищах найдены камни размером в кулак и больше, с явными следами действия огня, возможно принадлежавшие к разрушенным очагам. Можно предположить, что они существовали вместе с печью, а иногда — в бедных жилищах — и вместо печи. Не об открытом ли очаге говорится в Изборнике Святослава, где «теплые храмины» господ противопоставляются жилию бедноты: «вздохни, подумав о бедных, как стонут они над малым огнем скорчившись, имея большую беду глазам от дыма, согретья лишь руки, когда плечи и все тело замерзает»²². В жилищах, раскопанных в Суздале и относящихся к XI—XII вв., также встречены очаги²³. Очаги, вылепленные из глины, встречены вместе с глинобитными печами при раскопках в Белгородке²⁴. Землянки с очагами и предочажными ямами (без печей) обнаружены в Вышгороде (в 60 км от Киева), в слое XI—XII вв.²⁵ Даже учитывая неопределенность археологического термина «очаг», который, как выше указано, может скрывать за собой различные сооружения для отопления, прослеживающиеся в виде груды обожженных камней или прокалившейся земли, можно утверждать, что в древнерусских жилищах существовал открытый очаг для разведения костра. Косвенным указанием на существование таких очагов в древнерусском жилище является наличие в их инвентаре котлов и цепей, на которых эти котлы подвешивались над костром. Даже в современной избе на печной стороне часто висят котлы, что является отражением былого существования очага. Шесток в современной русской печи, на который выгребают из печки угли, когда она истоплена, и где на треноге-тагане варят или подогревают пищу, — также является отражением былого очага²⁶. Длительное существование открытого очага в славянском жилище (а в позднейшее время, сосуществование его с печью даже в период всеобщего распространения печей), устанавливаемое археологически, разъясняет нам вызвавшее столько недоумений сообщение Ибн-Русте о зимнем жилище и отоплении славян²⁷. Исследования П. Н. Третьякова установили, что в IV—V вв. н. э. в Поволжье действительно имел место способ

²² В. Шимановский, К истории древнерусских говоров, Варшава, 1887, стр. 42.

²³ А. Ф. Дубынин, Археол. исследования г. Суздала, Краткие сообщения ИИМК, вып. XI, 1945, стр. 91—99.

²⁴ В. В. Хвсйка, Древние обитатели среднего Приднепровья.

²⁵ Вестник древней истории, 1 (2), 1938, стр. 144.

²⁶ D. Zelenin, Russische (ostslawische) Volkskunde, Berlin und Leipzig, 1927, стр. 263.

²⁷ А. Д. Хвольсон, Известия Ибн-Даста о хозарах и т. д., СПб., 1869, стр. 33; А. Я. Гаркави, Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870, стр. 266.

отопления, описанный Ибн-Русте и заключающийся в том, что раскаленные камни очага обливали водой, способ, заставивший многих предположить, что арабы смешивали жилище русских с баней²⁸. Очевидно, и в начале X в. (к этому времени восходят источники Ибн-Русте) у славян сохранялся открытый очаг, хотя в это время уже существовали печи. Очень показателен переход от открытого очага к печи и сосуществование того и другого в раннеславянских городищах, например в Боршеве²⁹. Здесь наряду с открытыми очагами из булыжника или со стенками, высеченными в мелу, встречается уже и глинобитная печь с полукруглыми сводами, обложенными камнями.

Учитывая вышеприведенные данные, можно предположить с большой долей вероятности, что найденные в старорязанских жилищах булыжники с сильными следами воздействия огня являются остатками открытых очагов, существовавших наряду с печами.

Нужно отметить, что археологически устанавливаемый факт существования открытого очага в древнерусских жилищах показывает несостоятельность утверждения, что восточнославянскому жилищу свойственно «почти полное отсутствие открытого очага»³⁰. Эта точка зрения, заимствованная у Рамма, отрицавшего историческую связь между русской печью и очагом³¹, не подтверждается ни археологическим, ни этнографическим материалом.

Ссылаясь на историческое развитие печи из очага, находившегося в центре жилища, Н. И. Брунов считает, что все древнерусские жилища унаследовали от первобытного жилища расположение печи в середине избы³². Это не совсем верно и вообще и в частности для Старой Рязани, на пример которой Н. И. Брунов ссылается. Прежде всего само положение печи в избе определялось не только и не столько традицией, сколько удобствами отопления по-черному: устье печи всегда повернуто к двери, и, даже когда появляется волоковое окно, для вытяжки дыма его устраивают рядом с дверью. Кроме того, далеко не всегда в древнерусских жилищах печь занимает середину помещения. Даже в древнейших, где традиция очага должна была бы сказываться сильнее, печи часто расположены в углу, как это делается в современных крестьянских избах.

В Старой Рязани центральное положение печи в избе было установлено В. А. Городцовым и А. А. Мансуровым³³. Так как контуры наземного жилища в Старой Рязани почти не удается определить ввиду плохой сохранности дерева, положение печи устанавливалось по расположению подпольных ям. В тех случаях, когда их было две, они располагались по обе стороны печи, тем самым определяя положение печи посередине избы, но, вероятно, не в центре, а у стены. Новые раскопки в этом вопросе не опровергают выводов Городцова. Нельзя лишь утверждать, что центральное положение печи свойственно всем наземным жилищам Старой Рязани, так как в ряде случаев, когда в жилище открыта только одна подпольная яма, определить положение печи не удается, и она могла быть в любом углу, как и в середине избы. Что же касается открытой нами полуземлянки, то здесь печь находилась в северо-западном углу.

²⁸ П. Н. Третьяков, К истории племен верхнего Поволжья в I тысяч. н. э., Материалы и исследования по археологии СССР, вып. 5, 1941.

²⁹ П. П. Ефименко, Раннеславянские поселения на Среднем Дону, Сообщения ГАИМК, 1931, № 21; П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков — Материалы и исследования по археологии СССР, № 8, М., 1948.

³⁰ Д. К. Зеленин, Об исторической общности культуры русского и украинского народов, «Советская этнография», т. III, 1940.

³¹ K. R h a m m, Die Altslawische Wohnung, Braunschweig, 1910.

³² Н. Брунов, О древнерусском деревянном зодчестве, Архитектура СССР, вып. 14, 1947.

³³ См. А. А. Мансуров, Древнерусское жилище, Истор. записки, т. 12, 1941.

Срединное положение печи в некоторых старорязанских жилищах не является исключением, хотя и не представляет общераспространенного явления. В 1947 г. в Старой Ладоге в жилище VIII—IX вв. открыто центральное положение печи. В жилищах древнерусского города Вщижа раскопками Б. А. Рыбакова также открыты печи, расположенные посреди жилища. Любопытно, что в современных избах деревни Вщиж печь стоит так, что прикасается к деревянной стене избы своей задней стенкой. Тулово печи выступает на середину избы и делит ее на две равные части³⁴.

Подпольные ямы. Подпольные ямы открыты почти во всех старорязанских домах. Их число колеблется по данным Городцова от одной до четырех, чаще всего устраивались две ямы. Должен оговориться: так как границы жилища в Старой Рязани часто неопределенны, то весьма вероятно, что открытые ямы не всегда были подпольными, т. е. застланными полом избы. Некоторые ямы, вероятно, были дворовыми (во всяком случае находились вне жилища) или же находились в каких-либо хозяйственных постройках. Большинство подпольных ям овальной формы, некоторые были прямоугольными и приобрели овальную форму вследствие того, что углы осыпались или размылись, часть ям круглых и несколько ям имеют форму глаголя. Площадь подпольных ям — от 1—2 кв. м до 8—9 кв. м, глубина от 0,8 м до 2 м (в нескольких случаях глубже 2 м). Дно подпольных ям иногда утрамбовано глиной. В описанном мною жилище № 3 ямы были смазаны глиной и обожжены. Ямы в полуземлянке (жилище № 4) собственно не могут называться подпольными, так как они были вырыты рядом с полуземлянкой с самой поверхности земли и их верх был расположен значительно выше пола полуземлянки. Судя по находкам на дне ям чешуи и костей рыб, костей животных, зерен злаков, обломков глиняной посуды, ямы служили для хранения продуктов. Обмазанные глиной и обожженные ямы служили для хранения зерна и муки³⁵. Не исключено содержание в зимнее время в ямах молодых домашних животных, которые нуждаются в тепле.

Ямы, какместилища продуктов, известны с древнейших времен. На раннеславянских городищах зернохранилища встречены в виде конусообразных³⁶ или колоколовидных ям³⁷.

Формы ям в киевских жилищах так же разнообразны, как и в Старой Рязани. Здесь встречены ямы овальные, круглые (в плане) и прямоугольные. Отдельные ямы обмазаны глиной и обожжены. На дне одной такой ямы с хорошо обожженными стенками найдены остатки муки. Около одной из землянок найден целый комплекс хозяйственных ям — 12 штук от 25—60 см до 90 см глубины³⁸. Стенки круглой кот-

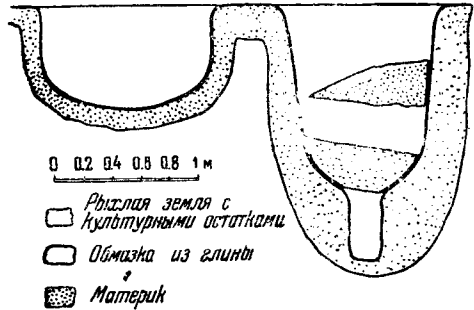

Рис. 4. Зерновые ямы

³⁴ Б. А. Рыбаков, Жернова Вщижского городища, Краткие сообщения ИИМК, вып. XI, 1945.

³⁵ О ямах-зернохранилищах упоминает Русская Правда: «аже крадеть гумно или жито в яме».

³⁶ Донецкое городище.— В. А. Городцов, Результаты исследований, проведенного научн. экспедицией XII Археол. съезда, стр. 113—114.

³⁷ Городище возле с. Петровского.— П. Н. Третьяков, Стародавні слов'янські городища у верхній течії Ворскла, «Археологія», т. I, Київ, 1947.

³⁸ См. Д. Бліфельд. Указ. раб.

лообразной ямы, раскопанной в киевском жилище на территории б. усадьбы Петровского, были обмазаны беловатой компактной глиной. В Белгородке четырехугольные подпольные ямы иногда достигали больших размеров (2,8 м длины; 1,4 м. ширины и глубины)³⁹. В древних жилищах Ещижа обнаружены как подпольные ямы, так и большие зерновые ямы (емкостью около 2 т зерна каждая), находившиеся с внешней стороны дома⁴⁰. Хозяйственные ямы (погребя) вне жилища были исследованы в связи с землянками на городище у с. Спас (на Оке)⁴¹. В Пронске внутри жилища XII в. открыта овальная подпольная яма, облицованная глиной⁴². Количество примеров можно было бы умножить и проследить существование подпольных ям и хозяйственных ям рядом с жилищами на протяжении длительного периода от раннеславянских до современных южнорусских. Наличие подпольных ям свойственно только южнорусскому жилищу. В северных районах ямы заменяет высокое подполье в домах, приподнятых над землей.

Полы. Самый факт наличия ям большой площади на территории Старорязанского жилища свидетельствует о существовании здесь деревянных полов, так как ямы сверху должны были быть закрыты. Однако в ряде случаев пол удалось проследить в отдельных частях дома, и, кроме косвенных доказательств их существования, мы имеем точно зафиксированные деревянные полы в наземных домах и в полуземлянке. В раскопках Городцова полы в виде фрагментов истлевших досок найдены в 4 исследованных жилищах. Сложное устройство пола в полуземлянке (раскопки 1946 г.) выше описано. Здесь интересно совмещение досчатого настила с глиняной обмазкой пола. Возможно, что деревянные полы не покрывали всего пространства жилища, а, как мы это видим в современных хатах, занимали только часть его. На остальной площади пол был глинобитным или земляным.

Стены. Остатки бревенчатых срубов в Старой Рязани открыты в фрагментах, не позволяющих даже определить размеры сруба: большей частью в виде отдельных бревен, иногда в виде углового соединения бревен. Сруб рубили «в обло», в верхней части нижнего бревна сделан паз для более плотного примыкания бревен. О способе рубки можно судить по сохранившимся в насыпи валов Старой Рязани городням⁴³. Совершенно особый характер носила облицовка стен полуземлянки. Она состояла из тесаных или колотых досок⁴⁴, впущенных в пазы вертикально стоящих бревен. Доски были обмазаны глиной. Надземная часть полуземлянки, вероятно, была устроена так же, или же представляла бревенчатый сруб. Судя по находкам кусков глины со следами хвороста, возможно, что верх был плетеным из хвороста с глиняной обмазкой.

³⁹ В. В. Хвойка, Древние обитатели среднего Приднепровья.

⁴⁰ Б. А. Рыбаков, Жернова Вщижского городища, Краткие сообщения ИИМК, вып. XI, 1945, стр. 16.

⁴¹ Раскопки П. Н. Третьякова.— Археол. исследования в РСФСР 1934—1936 гг., стр. 47—48.

⁴² Н. П. Милонов, Славянские жилища по данным археологических раскопок Пронского городища.

⁴³ См. А. Л. Монгайт, Древнерусские деревянные укрепления, Краткие сообщения ИИМК, вып. XVII, 1947.

⁴⁴ Доски, найденные в Старой Рязани, толстые, тесаные или колотые (толщ 8 см., шир. 25—30 см) сосновые.

Употребление пилы для продольной распиловки досок в древней Руси неизвестно (продольная распиловка досок появилась только в XVII в.— см. П. Г. Любимиров, Из истории лесопильного производства в России, Истор. записки, т. 16, М., 1945; в Белоруссии, например, употребление пилы замечается лишь в постройках, возведенных за последние 50 лет.— см. Н. И. Лебедева, Жилище и хозяйственные постройки Белорусской ССР, Москва, 1928. Пила не употреблялась, например, в Черниговской губ. до середины XIX в.— См. D. Zelenin, Russische (ostslawische) Volkskunde, стр. 260.

Так как верхние части жилищ в Старой Рязани не найдены, то основой для реконструкции должны служить археологические и этнографические сравнительные данные из других районов.

Бревенчатые наземные жилища, конечно, не были такими просторными, как полагал В. А. Городцов («квадрат со стороной в 7 метров»). Археологические раскопки в Старой Ладобе, в Новгороде⁴⁵ показали, что средняя величина сруба равнялась 4×4 или 5×5 м (хотя возможны значительные уклонения в сторону). Раскопки на Райковецком городище⁴⁶ дали приблизительные размеры жилых клеток $2,8 \times 3,6$ м, $2,3 \times 3$ м, $2,6 \times 3,2$ м. Не превышают 5—6 м размеры стен домов, открытых на Дмитровском городище⁴⁷, в Тверском кремле⁴⁸ и в Пронске⁴⁹.

Размеры сруба определялись самим строительным материалом. Даже в позднейшую эпоху, чем рассматриваемая нами, жилище увеличивалось не путем увеличения длины стен основной клетки, а путем пристроек и образования составных клеток — двойной, тройной и т. д.⁵⁰ Размеры сруба определялись длиной бревна, так как не знали или во всяком случае не употребляли приемов наращивания бревна соединением «в зуб». Подобный прием удлинения бревна ни разу не встречен в раскопках. Нет его ни в древнерусских миниатюрах⁵¹, ни в чертежах и рисунках XVII в. Как пережиток известен следующий факт: сравнительно недавно в Вологодской обл., если надо было получить длинную стену, то приставлялся один сруб к другому, а чтобы не делать рядом двух поперечных стен, одну из них или обе заменяли двумя короткими стенами (контрфорсами), срубленными из коротышей только при самых углах⁵². Вообще славянские жилища строятся из горизонтально лежащих бревен. Но археологические данные показывают, что такая система постройки не исключала пристроек и из вертикальных бревен (Суздаль⁵³ и дощатых с бревенчатым каркасом⁵⁴ (Старая Рязань, Киев). Постройки из вертикальных, вкопанных в землю столбов, оплетенных хворостом, известны из городища в устье р. Сонохты. Таким образом, эта система постройки имеет древнюю традицию, не менее древнюю, чем сруб.

Внутреннее устройство старорязанского жилища нам почти неизвестно (кроме наличия подпольных ям и формы и положения печей). Что касается полуземлянок, то можно утверждать, что вдоль стен шли сидения или нары, подобно таким же в суздальских землянках. Непод-

⁴⁵ А. В. Арциховский и Б. А. Рыбаков, Раскопки на Славне в Новгороде Великом. «Советская археология», № 3, 1937.

⁴⁶ Ф. М. Молчанівський, Указ. раб.

⁴⁷ Н. П. Милонов, Дмитровское городище (Кремль г. Дмитрова), «Советская археология», № 4, 1937, стр. 147—168.

⁴⁸ Н. П. Милонов, Археологические разведки в Тверском Кремле, Проблемы истории докапиталистических обществ, 1935, № 9—10.

⁴⁹ Н. П. Милонов, Славянские жилища по данным археологических раскопок Пронского городища.

⁵⁰ И. Е. Забелин, Черты быта в русском зодчестве, Древняя и новая Россия, т. I, 1878.

⁵¹ Несмотря на сравнительную редкость изображения деревянных срубов, все же они на рисунках изображены четко. Способ рубки (иногда «в обло», иногда «в лапу») можно определить по рисунку, но ни разу не встретилось изображение наращивания бревен. На миниатюрах из жития Сергия, на которых изображена рубка дома (лист 58 обор., лист 802 обор. и др.), они рубятся в одно бревно без наращивания. — См. Древнерусская миниатюра, 100 листов миниатюр, М., 1933, а также А. В. Арциховский, Древнерусские миниатюры, как историч. источник, М., 1944.

⁵² В. Д. Мачинский, Крестьянское строительство в России.

⁵³ В Скандинавии и отчасти в Германии был распространен в древности способ постройки стен из вертикально стоящих бревен (Stehwerk, Pfostenbau), см. F. Meidhahn, Über die historischen Formen der Holzbaukunst und die geographische Verbreitung derselben, «Sitzungsberichte Anthropol. Gesellsch. in Wien». 1892, Nr. 3.

⁵⁴ Немецкое Riegelwerk, Fachwerk не совсем аналогично, так как там обшивается досками деревянная рама с двух сторон. Здесь же доски зажаты в паз деревянных брусьев.

вижные лавки для сиденья вдоль стен, сохранившиеся в русских избах (и в славянских жилищах вообще) до наших дней, имеют очень древнюю традицию. Лежанки между печью и стеной открыты в киевских полуземлянках, а также в землянках Вышгорода⁵⁵ и суздальских.

Что касается устройства крыши старорязанского наземного жилища, то В. А. Городцов пришел к выводу, что они были двускатными тесовыми или соломенными. К этому заключению его привели обнаруженные в одном случае лежавшие под острым углом друг к другу сгоревшие бревна, которые можно объяснить, как остатки упавших слег, а также найденная в жилищах обуглившаяся солома и желтовато-серая зола, позволившая предположить, что это следы сгоревшей соломенной крыши⁵⁶. Хотя материалы раскопок явно недостаточны для такой реконструкции, нет оснований возражать против нее, так как подобный способ покрытия широко был распространен в Рязани и в прошлом и сейчас. Здесь уместно отметить, что совершенно неясны основания для настойчиво отстаиваемого Д. К. Зелениным утверждения, что четырехскатная крыша у восточных славян древнее других типов крыши⁵⁷. Не только этнографические материалы свидетельствуют о сравнительно позднем распространении четырехскатной кровли, о том же свидетельствуют и рисунки XVII в. (план Тихвинского монастыря, план части Новгорода конца XVII в.). Хотя археология очень мало может дать для реконструкции кровли, но все, что мы можем из нее извлечь, свидетельствует о древнейшем типе двускатной кровли⁵⁸.

Что касается наземной части полуземлянки, то реконструкция этого типа жилища по раскопкам в Старой Рязани осложняется тем, что оно пока лишь изредка встречено в раскопках. Удивительное сходство старорязанской полуземлянки с современными ей жилищами Киевской земли заставляет нас обратиться к последним. Исследователь, благодаря деятельности которого в последние годы была открыта и изучена целая серия киевских жилищ, характеризует их в нижеследующих словах: «Землянки обычно в плане четырехугольные, близкие квадрату, надземная часть этих жилищ восстанавливается только гипотетически и далеко не во всех частях. Судя по весьма фрагментарно сохранившимся остаткам изучаемых частей построек, они представляли несколько различных решений. Широкое распространение имел тип жилища с вертикальными столбами по углам и в середине стен, промежутки между которыми представляли глинобитное заполнение, или же забирались досками, врубленными в пазы вертикальных столбов (так в Старой Рязани! — А. М.). Двускатная кровля таких жилищ опиралась на столбы, остатки которых находятся в средней части двух параллельных стенок. Вероятной формой надземной части жилища являлся также сруб в несколько венцов, сооружавшийся над вырытым в материке углублением»⁵⁹. Тип застройки, расположение жилища относительно двора и относительно улицы, плотность застройки и тому подобные вопросы пока остались невыясненными, так как ответ на них мы можем получить лишь в результате раскопок большими площадями, которые в Старой Рязани только начались. Вообще же можно утверждать, что древнерусские

⁵⁵ Вестник древней истории, 1 (2), 1938, стр. 144.

⁵⁶ А. А. Мансуров, Древнерусское жилище, стр. 71.

⁵⁷ D. Zelenin, Russische (ostslawische) Volkskunde, стр. 265; его же, Об исторической общности культуры русского и украинского народов, «Советская этнография», III, 1940.

⁵⁸ Березники, Боршево, некоторые из открытых в Киеве жилищ. В курганах XI—XIII вв. в Волинской губ. над трупами устроены особые деревянные срубы, венчающиеся деревянной двускатной крышей.— А. А. Спицын, Обзорение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении, Записки Русского археолог. об-ва, новая серия, т. XI, стр. 286.

⁵⁹ М. К. Каргер. Жилище Киевской земли, Рефераты научно-иссл. работ Отделения истории и философии Акад. Наук СССР за 1945 г., стр. 84—85

жилища XI—XIII вв. большей частью однокамерные, с хозяйственными постройками, примыкающими к жилищу или расположенными в стороне. Три камеры, разделенные между собой глиняными простенками, имело жилище, открытое в Суздале Ворониным⁶⁰. Из двух помещений состояла землянка № 1 из раскопок в Суздале А. Ф. Дубынина⁶¹. Из двух помещений, разделенных деревянной перегородкой, состояли постройки в Белогородке⁶². Можно предположить троечастный план жилищ в усадьбе Петровского, если признать третьей частью наземные сени.

Согласно принятой этнографами классификации, основные типы восточнославянского жилища определяются по высоте пола над землей и по материалу: это изба на подклети и хата. Хата, в отличие от избы на подклети, устраивается непосредственно на земле, а не на возвышении из сруба. Изба на подклети распространена только у северных великорусов. Предполагается, что первоначально широко распространенным типом жилища была землянка, потом хата и лишь сравнительно недавно (в XIV—XV вв.) «на русском Севере глубокий снег, весенние наводнения и необходимость защищаться от лесных зверей заставили русских поднять хату высоко над землей»⁶³. Изучая современные типы крестьянской застройки, В. Д. Мачинский показал, как постоянно при передвижении с юга на север вырастает значение дерева как строительного материала, который все дальше оттесняет плетень, глину, саманный кирпич и, наконец, совсем их вытесняет. Пол поднимается все выше и выше над почвой. Граница между избой и хатой точно не установлена, но проходит по Владимирской и Рязанской областям, в южных частях которых господствует хата⁶⁴. Во Владимирской обл. хата распространена в опольной стороне. Здесь дома без подполья и подклети, низенькие, с глинобитным и деревянным полом. Вокруг же Владимира избы высокие, с теплым помещением для скота под ними. Многие дома в городе ничем не отличаются от деревенской избы⁶⁵.

Нужно думать, что современная этнографическая граница между южновеликорусским и северновеликорусским жилищем определилась еще в древности, когда первые были представлены полуземлянками, а вторые наземными домами. В Рязани, находящейся на границе областей распространения того и другого типа жилища, полуземлянки существовали с наземными домами. Хронологически они одновременны и датируются XI—XIII вв. То же самое мы видим и в Суздале, где рядом с полуземлянками открыты подпольные ямы деревянных наземных домов с глинобитными печами. Можно предположить, что наземное жилище постепенно вытесняло полуземлянку, но оснований для более точной датировки тех и других пока мы не имеем. Необходимо отметить, что, намечая такую исторически сложившуюся границу, нужно учесть, что в древности типы жилища были весьма разнообразны и что в области господства полуземлянок мы найдем всегда наземные дома и в северных районах мы встретим низкие избы с земляными полами. Жилище в большей степени, чем другие элементы культуры, зависит от природных условий, с которыми часто связаны и материал, и техника, и форма жилища. Неправильно было бы думать, что особенности в по-

⁶⁰ Н. Воронин, Раскопки 1936 г. в Суздале, Археол. исследования в РСФСР 1934—1936 гг., Л.—М., 1941, стр. 95—96.

⁶¹ А. Ф. Дубынин, Археол. исследования г. Суздаля (1936—1940), Краткие сообщения ИИМК, вып. XI.

⁶² В. В. Хвойка, Древние обитатели среднего Приднепровья.

⁶³ Д. Зеленин, Об исторической общности культуры русского и украинского народов.

⁶⁴ См. K. R h a m m, Die Altslawische Wohnung, а также рецензии Д. Н. Зеленина на книгу Рама, «Живая старина», 1911, и Archiv für slawische Philologie, Berlin, 1911, стр. 594—605.

⁶⁵ Сборник сведений о сельскохоз. постройках. Сельские постройки во Владим. губ. Журнал Минист. госуд. имуществ, кн. VII (ч. 56) 1855, стр. 191.

стройке жилища определяются только некоторым географическим фактором и целиком зависят от климата и почвы. Исторический фактор, древние традиции, связи и влияния также играют немаловажную роль⁶⁶. В самом деле, если бы мы, руководствуясь схемой Мачинского, рассматривали северные жилища, то убедились бы, что далеко не все они подходят под простую схему повышения пола: — чем дальше на север, тем выше. Русские этнографы засвидетельствовали в XIX в. в некоторых местах Русского Севера отсутствие традиции и умения мыть деревянный пол в избе⁶⁷, что свидетельствует о том, что еще недавно здесь полы были земляными. Если мы выйдем за пределы нашей страны, то и здесь на севере мы встретим глинобитные и земляные полы⁶⁸. Таким образом, само по себе географическое положение жилища на севере еще не определяет все элементы его устройства. Кроме того, изучая типы жилища, иногда приходится считаться с такими явлениями, как изменения типа, внесенные законодательными актами, и т. п.: Так, например, в Скандинавии фахверковые дома заменили собой бревенчатые избы в результате королевских указов, запретивших постройку деревянных домов (в целях экономии леса)⁶⁹. Эта сложность явлений заставляет быть очень осторожным при определении границы между различными типами жилища и в древности и сейчас и говорит лишь о преобладании того или иного типа на данной территории в определенную историческую эпоху. Да и самый процесс развития жилища вообще неправильно было бы представлять как в с е о б щ и й процесс постепенного вылезания из земли⁷⁰. В отдельных случаях возможно обратное явление — углубление в землю надземного жилища в целях удобства, тепла и т. д. Известны этнографические примеры существования обоих типов жилища (например, у навахов), причем надземное жилище было примитивнее, чем полужемлянка⁷¹. Уже в неолите существовали жилища двух типов в одном и том же районе и приблизительно одновременно: наряду с полужемлянкой в виде круглой формы ямы с очагом посередине⁷² наземное жилище с углублением посередине для очага⁷³. Исследованное Третьяковым поселение IV—V столетий н. э. на р. Сонохте дало жилье в виде наземных срубов, в это же время в районе г. Костромы, повидимому, преобладали полужемлянки⁷⁴. Любопытно, что полужемлянки весьма архаичного вида удержались в районе Костромы до наших дней. Это «зимовки», или «зимницы», — избушки, углубленные на несколько венцов в землю. Продолговатые срубные постройки под двускатной крышей из накатника, покрытой мохом, землей, корой. Расположенные по стенам лавки, очаг посередине, «таган» для подвешивания котла — все воспроизводит облик раннеславянского жилища⁷⁵.

⁶⁶ См. С. П. Толстов, Русские крестьянские постройки, «Этнография», 1927, № 1—2; его же, К проблеме аккультурации, «Этнография», 1930, № 1—2.

⁶⁷ Д. К. Зеленин, Описание рукописей учен. архива Русского Географ. об-ва, т. III, стр. 1041.

⁶⁸ К. Weinhold, Altnordisches Leben, Berlin, 1856.

⁶⁹ Troels Lund, Das tägliche Leben in Skandinavien; В. В. Суменов, Путевые заметки о севере России и Норвегии, СПб., 1888.

⁷⁰ Такова теория А. Гейкеля, — см. Н. Н. Харузин, Очерк истории развития жилища у финнов, М., 1896 (Из XXIV и XXV книг «Этнографического обозрения»).

⁷¹ В. Харузин, «Этнография», вып. II, 1914, стр. 62, с ссылкой на Ostermann, The Navajo Indians, «Anthropos», Bd. III, H. 5—6, 1909, стр. 862.

⁷² В. А. Городцов, Болотное Огубское городище. Труды Гос. Историч. музея, вып. I, 1926, стр. 107—124; его же, Старшее Каширское городище, Известия ГАИМК, вып. 85, 1934; П. Н. Третьяков, К истории доклассового общества Верхнего Поволжья, Известия ГАИМК, вып. 106, 1934, стр. 97—180.

⁷³ Б. С. Жуков, Неолитическая стоянка близ г. Балахны, «Русский антропол. журн.», т. XII, вып. 1—2, стр. 114—118.

⁷⁴ П. Н. Третьяков, К истории племен верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э., Материалы и исследования по археологии СССР, вып. 5, 1941.

⁷⁵ К. Завойко, Временные жилища крестьян Костромской и частью Влади-

Массовые городские жилища Поднепровья представлены пока преимущественно полуземлянками⁷⁶, но если бы мы попытались обратиться к глубокой древней традиции, уходящей к городищам скифского времени, то и здесь мы бы встретили наряду с полуземлянками наземные столбовые дома (Каменское городище). Это показывает, что наземное жилище и полуземлянка возникли одновременно и независимо одного от другой еще задолго до того, как сложились восточнославянские племена. Проследить же непрерывную древнейшую традицию в формах и конструкции жилища на одной и той же территории невозможно при нынешнем состоянии источников. Поэтому удивительное сходство трипольских жилищ с современными украинскими и молдавскими мазанками скорее свидетельствует о возрождении старых строительных приемов в новых условиях, чем о непосредственной исторической преемственности. Однако в период XI—XIII вв. мы видим на Руси наличие двух типов жилища — полуземлянку и бревенчатую избу, граница между районами распространения которых примерно совпадает с границей распространения позднейшей хаты и избы на подклети. Таким образом, добытые советскими археологами материалы дают некоторые основания для доказательства ранее высказанной гипотезы о том, что хата произошла из полуземлянки, выбравшейся на свет⁷⁷. Переходные типы от полуземлянок к хате известны и описаны этнографами⁷⁸. Еще в XIX в. (по Л. В. Далю) в Херсонской губ. были нередки хаты, углубленные в почву.

Раскопки в Старой Рязани дали возможность высказать некоторые соображения о типах древнерусских жилищ и о границе между ними. Быть может, дальнейшие изыскания позволят сделать выводы, что различия в типах жилища подобно некоторым другим элементам культуры и быта, разделяющим северных и южных великорусов, существовали уже в XI—XIII вв. Другой вывод, напрашивающийся из изучения древнерусских жилищ, — что русское жилище возникло и развивалось на основе древнейших местных типов и что вследствие некоторой консервативности жилища элементы этих древнейших традиций прослеживаются в современном жилище. Нет оснований предполагать, что древнескандинавское, германское⁷⁹, или греческое⁸⁰, или западноевропейское⁸¹ влияние на русское жилище оказало какое-либо значительное воздействие на форму или конструкцию жилища. Не отрицая внешних влияний, которые сказались на некоторых деталях устройства жилища в разных районах, мы все же можем, основываясь на археологических данных, утверждать, что развитие русского жилища шло на основе глубоких местных традиций, различных для южных и северных районов.

мирской губернии, Труды Костромского научного общества по изучению местного края, вып. XV, 1920, стр. 127—133.

⁷⁶ Имеется сообщение о наземных деревянных жилищах, якобы открытых Хвойкой в Поднепровье, но оно нуждается в проверке.— В. Е. Козловская. Слав. курганы и городища, как историч. источники, Киев, 1914.— Кроме того на Райковецком городище наряду с полуземлянками открыто несколько наземных жилищ.

⁷⁷ Ал. Харузин, — Славянское жилище в Сев.-Зап. крае, Вильна, 1907; Ф. К. Волков, Этнографические особенности украинского народа, Украинский народ в его прошлом и настоящем, т. II, Пгтр., 1916, стр. 507; В. Петров, 3 історії житла на Україні, Наукові записки Инст. іст. матер. культ. ВУАН, кн. I, Київ, 1934, стр. 75—101.

⁷⁸ Н. Ф. Сумцов, К истории хаты, Киевская старина, XXV, 1889, стр. 493—499.

⁷⁹ К. R h a n t, Указ. раб.— Рамм, начав с утверждения, что все главные особенности великорусской избы восходят к древнеславянским временам, всю вторую часть своей книги посвятил доказательству того, что внутреннее устройство русской избы обязано своим существованием германскому влиянию.

⁸⁰ Д. Зеленин, Russische (ostslawische) Volkskunde.

⁸¹ А. И. Некрасов, Русское народное искусство, М., 1924.